

Повх Юлия Александровна

АНТИТЕЗА "МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ" В ПОВЕСТИ А. ВЯЛЬЦЕВА "ПУТЕШЕСТВИЯ В ОДНУ СТОРОНУ. ОПЫТ МИФОЛОГИЗАЦИИ ПРОШЛОГО"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/3/76.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (46). С. 232-235. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. **Новый энциклопедический словарь** / под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1918. С. 212.
2. **Платонов О. А.** Терновый венец России. М., 1998. С. 194.
3. **Karg B., Sutherland R.** Secret America. Massachusetts, 2010.

УДК 82-3

Юлия Александровна Повх
Астраханский государственный университет

АНТИТЕЗА «МОСКВА-ПЕТЕРБУРГ» В ПОВЕСТИ А. ВЯЛЬЦЕВА
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ОДНУ СТОРОНУ. ОПЫТ МИФОЛОГИЗАЦИИ ПРОШЛОГО»©

Взаимоотношения Москвы и Петербурга стали объективным фактом русской истории с момента закладки города на Неве и касались самых различных сторон историко-культурного развития России. В общественном сознании россиян были четко осознаны сущностные различия старой и новой столиц, представляющих две политические концепции и закрепляющих два типа культуры.

Данная проблема детально разработана в отечественной науке. Существует значительное количество работ, в той или иной степени освещающих отдельные аспекты проблемы. Антитезой «Москва-Петербург» интересовались такие исследователи, как В. Топоров, К. Исупов, Ю. Лотман, В. Шубинский, М. Каган, Н. Анциферов и другие. Среди культурологических исследований по данной теме можно выделить работы К. Исупова («Душа Москвы и гений Петербурга»), М. Кагана («Град Петров в истории русской культуры»), Н. Анциферова («Душа Петербурга») и множество других.

Объект исследования настоящей статьи - повесть Александра Вяльцева «Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого». Предметом исследования стало противопоставление Москвы и Петербурга как крупнейших социокультурных явлений в творчестве А. Вяльцева.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить противопоставление двух столиц в повести А. Вяльцева и выявить социокультурные смыслы этой антиномии. Для этого мы попытаемся кратко описать историю возникновения противопоставления двух культурных центров и определить корпус социокультурных проблем, связанных с осмыслением антитезы «Москва-Петербург» в повести А. Вяльцева.

Во-первых, почвенная изначальность естественно растущей Москвы традиционно противопоставляется городу, воздвигнутому наперекор стихиям и здравому смыслу, - сплошь искусственному, рационально организованному Петербургу. На фоне других европейских столиц (в том числе Москвы), вырастающих постепенно и стихийно, Петербург воспринимался как город умышленный, «вымышленный», возникший «вдруг».

Во-вторых, Петербург «обвиняли» в европеизме, который воспринимался негативно как нечто чуждое, враждебное национальным началам и народному духу России. Славянофилы считали, что Россия разделилась на две столицы: с одной стороны - государство с иностранной столицей Санкт-Петербургом, с другой стороны - земля, народ с русской столицей Москвой.

В-третьих, два города всегда спорили за приоритет столичных функций. Так возникла проблема «столица-провинция». Основание Петербурга и перенос столицы из Москвы в город Петра положило начало соперничеству и противопоставлению двух городов. Таким образом, начало петербургской истории отодвинуло Москву на второй план. В 1918 году большевистское правительство перенесло столицу в Москву. Ей был назначен статус «образцового коммунистического города», в то время как в сознании ее жителей возникает негативный образ столицы. О. И. Вендина отмечает, что активно формируется миф о том, что Москву и москвичей в России не любят, что Москва - место равнодушного чиновничества, то есть столицу воспринимают так, как ранее воспринимали Петербург.

Городом Петра, напротив, стали восхищаться; его населению приписываются утонченность, рафинированность. Ориентации Москвы и Петербурга диаметрально изменились. Теперь Москва претендует на роль европейского города (при этом западничество трактуется как продвинутость приватизации, экономических реформ и т.д.), в то время как Петербург является выразителем самобытности России с ее презрением к меркантильности и приоритетом духовных ценностей.

В культурологических и литературоведческих исследованиях антитеза «Москва-Петербург» обычно выстраивается по одной из двух схем. По одной из них бездушный, официальный, казённый, казарменный, неуютный, нерусский Петербург противопоставляется душевной, уютной, патриархальной, естественной, русской Москве. По другой схеме Петербург как культурный, цивилизованный, планомерно организованный, гармоничный, логичный, европейский город противопоставляется хаотичной, беспорядочной, деревенской, нелогичной Москве. В. Н. Топоров выделяет также три вида спецификации «московско-петербургского» сравнительного текста: «указание неких наиболее общих и значимых сходств и/или различий; указание пре-

дельно конкретных и эмпирических черт, обладающих, однако, большой диагностической силой; указание петербургско-московских «литературных» различий и противоположностей» [3, с. 279].

Сопоставление Москвы и Петербурга занимает значительное место в повести А. Вьяльцева «Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого». В ней нашли отражение два из трёх указанных видов спецификации в сравнении двух столиц. Следуя классификации В. Н. Топорова, рассмотрим в повести А. Вьяльцева элементы антитезы «Москва - Петербург».

1. Указание неких наиболее общих и значимых сходств и/или различий. К этому виду спецификации в повести, на наш взгляд, относится противопоставление московской и петербургской богемы. Петербург, по А. Вьяльцеву, не признает иерархических отношений внутри светской жизни: «В отличие от Москвы, литературная, художественная, театральная богема здесь - один круг. А также правозащитники и просто хип-ня. И мы входили во все эти образования сразу и тусовались со всеми вместе» [1].

Более того, одна из особенностей петербургской культурной жизни, по Вьяльцеву, заключается в полном безразличии представителей богемы к ценностям материального мира: «Ну, что до бедности: Питер вообще отличается бедностью и скромностью, даже по нашим меркам. Только Москва нагуляла жирок, не переходящий, однако, в процветание».

Питерский стиль жизни приближался к стилю жизни «волосатых»: без гастрономии вообще. <...> Дети сытых родителей, семейных драм, дорогой мебели с пустыми полками для книг... Вечно читающие, сидящие по библиотекам, торчащие на выставках, ездящие по стране и всюду распространяющие и взыскующие культуру» [Там же]. Комфорт нравственный для петербуржцев неизмеримо важнее материальных благ. Петербургская богема - явление особенное, довольно замкнутое, с одной стороны, и вписанное в общеевропейскую традицию - с другой.

Парадоксальное сочетание нищенского быта и высокой духовной культуры, не характерное для Москвы, не оставляет повествователя равнодушным. Пообщавшись с Лёней Бомжиром, питерским бомжом, он испытывает удивление: «Из его рассказов получалось, что в основном бомжи - люди читающие, рисующие, некоторые пишут сценарии. Живут сообща на непонятные средства в предельной бедности. Сам он тоже что-то писал, театральное» [Там же]. Петербург вновь поражает рассказчика «нищетой и шикарностью сразу» во время очередного визита в этот город. Оказавшись в комнате Лёни Бомжира, он с удивлением обнаруживает в этой «антикварной лавке» старинную мебель, картины, книги в застекленных шкафах. Даже коммуналки, где на крошечном пространстве вынуждены бок о бок жить несколько семей, - это «распиленные» «классические особняки, в двадцати-тридцати минутах друг от друга пешком».

В комнате Лёни Бомжира рождается объяснение необыкновенной притягательности Петербурга для жителей других городов: «Почему мы стремимся в Питер? - там наиболее отчетливо чувствуется последний вздох того, что когда-то называлось Россией. С царем и свободой, дворцами и парками, с поэтами и революционерами, колокольным звоном, лотошниками и извозчиками, театрами, толстыми журналами, книжными лавками, иностранцами и шумом стран. Это было всамделишное великолепие, а не огромный памятник, которым он является теперь» [Там же]. Именно в Петербурге русская культура переживала свой расцвет, свой «золотой век», и только здесь ещё можно наблюдать её величие, пусть и в застывшем (а значит, вечном) виде памятника.

2. Указание предельно конкретных и эмпирических черт, обладающих большой диагностической силой. На этом уровне в повести представлен географический аспект описания двух столиц, точнее, аспект сакральной (или символической) географии, описывающей стороны света в соответствии с этноцентристской мировоззренческой парадигмой. Сакральная география дает *символическое* описание Вселенной, в которой земной диск был расположен, как остров, посреди океана, держался на трех китах (или трех слонах), в центре него располагалась священная гора (гора мира) и т.д. Эта картина является не описанием физической материальной реальности, а *духовным образом*, своеобразной символической схемой, в которой каждый элемент играл важную смысловую роль. Это *карта онтологии*. Сакральная география нивелирует различия между естественным, искусственным и сверхъестественным. Природные условия, человеческий характер, поклонение тем или иным богам и специфика политического устройства - все это неразрывно связывается одно с другим.

В повести А. Вьяльцева маркерами символично-географического пространства являются равнина (Петербург) и холмы (Москва): «в Питере не хватает солнца и рельефа. Как бы ты в Питере высоко ни забирался - солнце встает всегда неизменно, чуть-чуть играя отклонениями пути на искусственных вертикалях шпилей. Питер раскрывается равномерно, как кинолента, Москва же - как фокус: то пусто, то густо, то ничего не было, то все сразу появилось (когда порастрясет тебя на облучке, повозив по своим холмам)» [Там же].

В сакральной географии существуют концепции гор и равнин. Горные страны не только не являются источниками экспансии, но наоборот, к ним стягиваются жертвы геополитической экспансии других теллурико-кратических (др.-греч. *теллурос* «суша» и *кратос* «власть», то есть «сухопутное могущество») сил. Ни одна империя не имеет своим центром горные районы. Отсюда столь часто повторяющийся мотив сакральной географии: «Горы населены демонами». С другой стороны, идея сохранения в горах остатков древних рас и цивилизаций отражена в том, что именно в горах расположены сакральные центры традиции, то есть горы соотносятся с некоей духовной властью. Священная гора в различных культурных традициях рассматривается как центр мира и представляет мировую ось. Неслучайно горы - это наиболее предпочтительные места для отправления культа (место расположения алтарей, храмов, святилищ) и поклонения богам.

Равнина в противоположность горе олицетворяет пространство материальной деятельности (как место обитания пастухов и земледельцев), символизирует покой и стабильность.

Логическим сочетанием обеих концепций - гор как образа жреческого и равнины как образа царственного - стала символика холма, то есть небольшой возвышенности. Холм - это символ царской власти, возвышающейся над светским уровнем равнины, но не выходящей за пределы державных интересов (как это имеет место в случае гор) [2]. Холм - место пребывания короля, герцога, императора, но не жреца. Все столицы крупных империй расположены на холме или на холмах.

Москва, таким образом, представлена в повести Вяльцева как город, сосредоточивший власть, столичные функции, в противоположность Петербургу. Кроме того, из приведенной цитаты следует, что Петербургу, помимо рельефа (то есть, как мы выяснили, функций столицы), «не хватает солнца», то есть жизненной силы, божественной созидательной энергии. Солнце - символ сильной монархической власти. Недостаток в Петербурге солнца в контексте событий русской истории можно интерпретировать как последствия переноса столицы из Петербурга в Москву. Именно эти события, как говорилось ранее, стали началом переориентации взглядов на оба города в сознании жителей страны: новую столицу после 1918 года начали воспринимать так, как ранее воспринимали Петербург. Город на Неве считался теперь хранителем духовных ценностей России, ее самобытности. Отголоски негативного отношения к Москве слышны и в «Путешествиях в одну сторону...». В одном из эпизодов повествователь рассуждает об отношении петербуржцев к историческим и литературным памятникам, которые с течением времени теряют первоначальную красоту: «Питер для них прежде всего декорация знаменитых пьес, и самих себя они воспринимают как служителей опустевшей сцены, подметающих мусор, наводящих глянец и вспоминающих былое великолепие. Может быть, последними зрителями на галерке.

По существу, они гораздо более русские, чем мы (москвичи). Они больше романтики и больше интеллигенты. Они наивнее нас, но сердечнее расположены к искусству. История чудесным призраком еще стоит перед их глазами, мы же получили ее из лживых учебников» [1].

Заключение, к которому пришел нарратор, сводится к следующему: Петербург является выразителем самобытности России с ее презрением к меркантильности и приоритетом духовных ценностей. Сохранять, оберегать культурное наследие прошлого, служить ему - нормальное, естественное состояние петербуржцев (в противоположность москвичам, взявшим курс на западничество).

Символично-географический аспект сопоставления двух городов представлен в повести и на уровне описания внутреннего мира персонажей. Антитеза «холмы-равнины» проецируется на психологическое состояние героев: «Осенью того же года мы опять были в Питере, сбежав от безумной московской путаницы к его тонкой и ясной прямизне, его вздыбленным коням, амстердамским каналам, к осеннему великолепию, полному ужасной грусти» [Там же].

Примечательно, что, по мнению В. Н. Топорова, Петербург и Москва обладают «некими внутренними резервами компенсации своих отличий друг от друга - нередко противоположными по характеру» [3, с. 281]. Москва «порастрясет тебя на облучке, повозив по своим холмам», так что захочется сбежать «от безумной московской путаницы» [1] в Петербург. В то же время город на Неве разыграет перед своими гостями спектакль: ясность и прямизна обманчивы, это лишь внешнее обрамление города, за которым скрывается неопределенность, двусмысленность, призрачность. Московская суэта (как ритм столичной жизни) сменится в Петербурге относительно спокойным внешне существованием, но взамен потребуется напряженная работа духа. Природа в Петербурге представлена горизонтально, плоскостью (каналы) и в то же время характеризуется аморфностью и кривизной: вода каналов зеркально отражает город; реальное и отраженное пространства меняются местами.

Смысл сопоставлений Петербурга и Москвы не состоит только в поиске расхождений и противоположностей этих городов. Несмотря на существующие различия, «Москва и Питер - это сямские близнецы, до отражения похожие, две половинки круга, поделенные железной дорогой, две группы лиц с одинаковым мировоззрением, нетерпением и комплексами. До некоторой степени это даже парадокс: зачем существуют на земле два одинаковых города, различающихся лишь по именам? Их прежняя инаковость в значительной мере нивелирована возвращением Москве столичности и градостроительными новациями большевиков» [Там же].

Однако чем ближе финал повести, тем более мрачными красками расцветивается Петербург. Этот город был любим рассказчиком, пока в нём жили его друзья и любимая женщина Марина. Когда возлюбленная выходит замуж и уезжает в Бельгию, а друзья и знакомые либо переезжают в другие города и страны, либо умирают («от передозняка», «от инфаркта или инсульта», «выпрыгнув из окна», «сорвавшись с крыши»), повествователь теряет к Петербургу интерес: «Потому что Питер - это город мертвых. И я перестал туда ездить» [Там же].

Здесь вспоминаются строчки из «Холмов» (1962) И. А. Бродского:

Присно, вчера и ныне

по склону движемся мы.

Смерть - это только равнины.

Жизнь - холмы, холмы.

Вновь актуализируется противопоставление Москвы и Петербурга по символично-географическому принципу. Жизнь - в Москве, именно туда в финале повести уезжает последняя знакомая рассказчику девушка из Петербурга. Москва и Петербург всё же переплетают свои судьбы посредством образования новой семьи: «Самой последней покинула город Настя - по нашей вине: мы сосватали ей мужа - нашего старого московского друга, соединив и окончательно перемешав все круги, людей и места, имевшиеся в нашем распоряжении» [Там же].

Подведём некоторые итоги. В повести А. Вяльцева антитеза «Москва-Петербург» реализуется посредством указания наиболее значимых сходств и различий двух городов, а также путём выявления предельно конкретных и эмпирических черт в их сопоставлении. В первом варианте сопоставления ведущая роль принадлежит противопоставлению московской и петербургской богемы, во втором - маркерам символично-географического пространства двух городов. Дальнейшие исследования в обозначенном направлении представляются весьма перспективными, ведь, по словам В. Белинского, «и Петербург и Москва - это две стороны, или лучше сказать, две односторонности, которые могут со временем образовать своим слиянием прекрасное и гармоничное целое, привив, друг другу то, что в них есть лучшего».

Список литературы

1. **Вяльцев А.** Путешествия в одну сторону: опыт мифологизации прошлого [Электронный ресурс] // Звезда. 2001. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/6/vjaltsev-pr.html> (дата обращения: 10.01.2011).
2. **Дугин А.** От сакральной географии к геополитике [Электронный ресурс]. URL: <http://elements.lenin.ru/1sacrgeo.htm> (дата обращения: 14.01.2011).
3. **Топоров В. Н.** Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: введение в тему // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Изд. группа «Прогресс»-«Культура», 1995. С. 259-367.

УДК 82-312.7

Ирина Вениаминовна Прихода
Челябинский государственный университет

ИСТОКИ «ДИАЛОГИЧНОСТИ» М. М. БАХТИНА: ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО©

Диалогичность находится в точке пересечения исследовательских интересов многих гуманитарных наук, изучающих различные аспекты человеческой деятельности, так или иначе связанных с реальной коммуникацией. Психология, философия, педагогика, журналистика, лингвистика - вот неполный список дисциплин, изучающих явление диалогичности в своих научных областях. В современной лингвистике отмечается все возрастающий интерес к коммуникативным аспектам языка. В фокусе внимания находится художественная коммуникация. В современных исследованиях наблюдается тенденция активного изучения статуса речевых субъектов художественной коммуникации как носителей определённых смысловых позиций, выявления способов воздействия на адресата, рассмотрения особенностей актуализации диалогических связей в различных типах текста. Диалогичность любого текста проявляется как своеобразный настрой на некоего реципиента, как импульс, с самого начала определяющий принципы текстопостроения.

Научные изыскания и положения многих лингвистов (Ю. Кристевой, Н. О. Гучинской, О. П. Воробьевой, В. Шмида, И. В. Шальгиной и др.) построены на идее диалогичности известного отечественного ученого, философа и филолога, Михаила Михайловича Бахтина.

Диалог по праву может считаться главным героем всего творчества М. М. Бахтина.

Феномену диалога Бахтин придает универсальное значение. Диалогические отношения людей - не просто «одно из» проявлений их бытия, а явление, пронизывающее всю человеческую речь (и сознание), все отношения и проявления человеческой жизни, всё, что имеет смысл и значение.

«Быть - значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. <...> Два голоса - минимум жизни, минимум бытия» [2, с. 45].

Важнейшей бытийной характеристикой, порождающей диалог, Бахтин считает вовсе не необходимость передать, получить и т.д. некие сведения (содержания), а потребность человека отнестись к человеку. Говорящий установлен именно на «активно ответное внимание». По этому принципу монолог вливается в диалог.

Например, в художественном мире Ф. М. Достоевского, как его понимал Бахтин, личность живет и проявляет себя только в диалогическом общении, отнесенности к другой личности; другая личность доступна пониманию только через «диалогическое проникновение в нее», через диалогическое общение [6, с. 193].